

ЖИТИЕ СВ. ПЕТРА ОРСЕОЛО

Аноним XI (?) века

Пер. с лат. *Vita B. Petri Urseoli Ducis Venetiarum et Dalmatiarum tum Monachi S. Michaelis de Coxano in Catalonia // Acta Sanctorum Ordinis S. Benedicti... Saeculum quintum... – pp. 851-860*

В переводе Константина Чарухина

ЖИТИЕ СВ. ПЕТРА ОРСЕОЛО, ДОЖА ВЕНЕЦИИ И ДАЛМАЦИИ, ЗАТЕМ ИНОКА ОБИТЕЛИ СВ. МИХАИЛА КУЙШАНСКОГО В КАТАЛОНИИ

1. Поскольку целью благой жизни и применения умственных дарований является блаженство, а нетленное Блаженство сообщает своеобразную нетленность своему почитателю, в котором либо процветает силою разума, либо за постоянство подвига утверждает благодетельствованного счастливца в вечности, то, доведя его до конца благой жизни, Оно побуждает других к описанию достойного жития совершенных мужей, дабы через это дать духовный урок потомкам, поощрить их к неустанному подражанию таковым образцам и воздаянию Богу-Творцу хвалы благодарения. Итак, прежде чем мы начнём описание жизни преславного дожа Венеции и Далмации, его благоразумия, трудов и конца его жизни, следует о вкратце поведать его происхождении, дабы начало его бытия помогло прояснить конец благой жизни и славную вечную участь.

2. Итак, происходил он из презнатного семейства Урсонов, считавшихся славнейшими и могущественнейшими в Парфе (*селение в области расселения парфинцев, народа, жившего в Иллирии – на территории современной Албании, – прим. пер.*) и были весьма известны среди прочих народов. А звались они Урсонами по причине свирепости и могущества их рода, бешеный медвежий (ursino) нрав коих внушал ужас соседним племенам.

Родился же он в Риальто на берегу Адриатического моря от достославного отца и благородной матери в героическом племени венецианском, что пользуется за свою мудрость и богатство почётом почти у всех народов. Название же Венеции происходит от имени того самого народа венетов, что с горы Венет вторглись в Паннонию, когда она почти вся была заселена парфинцами. Итак «Венеция» либо «Хенеция» (придыхание «х» было заменено на букву «в») названа так по своим жителям, пришедшим с вышесказанной горы и ведшим достохвальную жизнь, ибо «хенетикус» значит «достохвальный».

3. И вот, когда будущий досточтимый дож носил в раннем детстве своё имя Пётр, родитель отдал его в школу, дабы постиг он божественное учение и был образован в гражданских науках как христианский отпрыск христианских родителей. Он легко и радушно воспринял все здравые начатки знаний; честным усердием и благим прилежанием достиг учёности, не погубив достоинство своего рождения безграмотностью, но усовершенствовав его восприимчивостью.

В конце концов все так полюбили его, что после кончины отважнейшего дожа Петра Кандиани его во цвете юности возвели на эту должность, избрав единодушным решением венецианских родов. Став дожем, он творил суд между гражданами, был справедлив к сироте и чужеземцу, по образу святейшего мужа Иова тщательно рассматривал дела подданных. Увечного он укреплял, немощного поддерживал, изголодавшегося насыщал, печального радовал, пропавшего восставлял, бестолкового исправлял, доброго одобрял, злого осуждал, праведного оправдывал, неправедного всеми средствами разумного увещания старался призвать к следованию правде – ибо любил он Бога всеми силами. Заключив законный брак, он с женой держался мирно, со вниманием и усердием посещая службы во всех церквах, он вникал в различные нужды каждой из них и, насколько того требовало их благоустройство, старательно восполнял их недостатки, охотно одаривая их сообразным даровым вспомоществованием.

Занятиям общественными вопросами он отдавал все силы и во избежание опрометчивых, нелепых решений, старался принимать во внимание в равной мере сдержанность старших, и рвение младших, и обдумывал дела с привычной ему рассудительностью, как мудрый и изобретательный зодчий, всеми усилиями тщательно стараясь привести всё к согласию для наилучшего исполнения предстоящего дела или устранения нависшей опасности. И судя в судейском кресле, он никогда не принимал чьей-либо стороны за взятку, но держал жезл истины и беспристрастия и обоюдоострый меч, отделяющий справедливого от дурного, негодного от доброго, необузданного от воздержанного, кроткого от высокомерного, алчного от щедрого.

4. Также любил он слушать духовные чтения, проповеди священников, наставления мудрецов и законовевов и присоединялся к толпам клириков во всяком месте. Он посещал с обильными приношениями алтари и святые места, и все мощи святых, о которых ему доводилось услышать, а если лично не имел возможности прийти, то посылал дар с благочестивой молитвой. А странников, приходивших к нему, он принимал, словно Христа, памятуя слова Господни: «Я был странником, и вы приняли Меня» (*Мф 25:35*), облачая тела их и укрепляя всяческим платьем и пищей. Также он целыми ночами обходил дома болящих, с нежной любовью кротко ощупывал их недужные члены и раздавал им милостыню, смотря по нужде, едой, одеждой или какой-либо недостающей утварью. Предстоятелей и настоятелей, приезжавших в Венецию на поклонение блаженнейшему евангелисту Марку и посещавших его святейшие мощи, что по общему неколебимому убеждению там в полной целостности покоятся, он с почтением принимал, заботливо оказывая им всяческое вспоможение, которого требует человечность, со святой божественной любовью; и, вверив себя с женою и двумя сыновьями их молитвам, многие давал им дары в милости Господней. И по слову Апостола, он как бы ничего не имел, но всем обладал (*ср. 2Кор 6:10*), радовался с радующимися и плакал с плачущими (*Рим 12:15*).

5. И вот, когда среди мирских бурь и земных сует он стоял у кормила, мудро правя венецианским государством, услышал он однажды изречение Апостола: «Наше же жительство – на небесах» (*Флп 3:20*) и, чрезвычайно часто вызывая его в памяти, взвешивал на весах сердца, каким образом жительство смертного человека, облечённого тленной плотью, может быть на небесах, когда на небеса до последнего дня воскресения допускаются только души святых, а после – духовные тела со своими же душами. И в таковом недоумении он многократно молился Господу, дабы явил Он ему понимание смысла сего высказывания, и ответ на молитву сию – по вдохновению Веяния животворящего – вскоре воспоследовал. Ибо в другой день, благоговейно стоя во время Мессы, он услышал слова Господа в Евангелии: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (*Лк 9:23*). И: «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (*Лк 14:33*). И: «Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (*Мф 19:29*). Как только он услышал всё это, открылся ему смысл Павлова изречения; и он молвил себе самому: «Совершенно несомненно, что сказанное Господом собственными устами ученикам Своим ещё на земле есть то же самое, что Он говорит через избранный сосуд (*Деян 9:15*) Своим верным. Ведь не может быть у

нас никакого жительство на небесах, если не оставить всё плотское: супругу, детей, братьев и всякую честь мирскую, и даже желания души своей. Ведь ничтожно тленное благо сей быстротечной жизни, да и не благом оно оказывается на самом деле, а, скорее, злом, ибо тем, кто ищет его, злом воздаёт, похищая то, что является благом, ибо злостным обманом принимает вид блага, каковым отнюдь не является. И воистину искать следует блага, которое содержит всё; того, о котором говорился, что оно лучше прочих, что оно – самое лучшее, несравненное; того, пред которым ничто не благо, ибо оно Высшее Благо – Бог. Но великой отвагой и упорством нужно обладать тому, кто собирается отказаться от друзей по плоти и, тем более, желаний души своей. Посему, если я до сих пор предавался разным жутким свирепствам в ужасных войнах, которые приходилось вести, и подавлял решительной силой нападения соседних стран, то ныне, поскольку по милости Вышнего Судии я давно бросил, как ярмо, земное копье и щит, то подобает мне, облекшись в подвижнические доспехи, к чему побуждает меня божественная ревность, пасть на лице своё и отбросить свои страстные желания».

Наконец, питая в себе таковые возвышенные думы, стал он разузнавать, какая бы ему подошла обитель, чтобы, полностью посвятив себя одному лишь Богу, очиститься от былых грехов, творя достойный плод покаяния (*Мф 3:8*).

6. И вот, направился в то время в Рим некий авва почтенной жизни по имени Гварин, настоятель киновии святого архангела Михаила, расположенной близ горы Каниго, что является главою гор Пиренейских, на границе между Галлией и Испанией. Название места, где находится киновия, что по-народному звучит как Куйша (*ныне Сен-Мишель-де-Кюкса во фр. деп. Восточные Пиренеи*), происходит от того, что давнишний владелец уступил эту землю, использовавшуюся как коровий выпас, в обмен на говяжий окорок (*лат. соха, катал. suïxa*). Потом, когда там возникла обитель слуг Божиих, место назвали Анциба Пирасилум, что переводится как «огнь небесный», потому что насельники тамошние пламенем Святого Духа поборают мерзостные пороки и назойливые соблазны мощью любви и остриём святого Устава, который, словно крепчайший и неприступный столп, выстаивает против нападений бесов во всех испытаниях и остаётся непобедим. Об этом столпе Соломон говорит: «Тысяча щитов висит на нём – все оружия сильных» (*Вульг. Песн 4:4*). Что же это за тысяча щитов, если не множество предписаний закона Божия, кои и составляют оружия сильных? Ибо ими защищены сердца святых, укрепляющихся постоянством и усердствующих в благой жизни.

Итак, вышесказанный авва, побывав в Риме, заехал в Венецию, где искал заступничества блаженнейшего евангелиста Марка. Закончив свои молитвословия, он пошёл искать приюта и, когда обратился к кому-то из местных, тот, говорят, дал ему такой ответ: «Зачем ты спрашиваешь у меня о приюте, господин? Ведь ни я, ни кто другой отнюдь не просмеет его предоставить ни тебе, ни любому посетителю мощей блаженного Марка!» На вопрос «Почему» он услышал: «Дож города сего, покровитель всех прибывающих сюда паломников, издал указ, что их никто из нас не должен принимать у себя – только он сам либо по его разрешению. Ибо он построил большие странноприимные дома и госпитали, в которых принимают и богатых, и бедных, и где предоставляют необходимое пропитание. Поэтому тебе подобает с ним поговорить, тем более, он

любит побеседовать с людьми твоего звания. Ты можешь свободно поведать ему о своих намерениях и, словно отцу, открыть свои нужды. Это щедрый и могущественнейший дож – властитель всех пределов Адриатического моря, обуздавший своей силой даже варварские народы и сынов Агари (*сарацин – прим. пер.*), населяющих острова среди широких морских просторов, от которых ему поступает ежегодная дань огромными и неисчислимыми кучами золота и серебра, множеством пурпура и прочих тканей; так что и твоей киновии даст он из своих богатств доброе пожертвование.

7. Услыхав сие, благоразумный авва Гварин с упованием отправился во дворец дожа и спросил дворцовых служителей, не позволительно ли ему пройти к дожу. Они спросили: «Кто ты, о досточтимый авва, и почему ищешь встречи с могущественнейшим нашим и вселюбезным нашим?» На что он ответил: «Я Гварин и прибыл из дальних краёв. Поскольку я уже побывал в храме блаженного Марка, то ныне ищу приюта. Один человек сказал мне обратиться сюда, но я не знаю, к кому именно». Славные слуги, едва услышав это, будучи обучены просвещённейшим правителем и подражая нравам его, со всяческим почтением приняли авву и отвели его, поддерживая под обе руки, в покои дожа, где он, погрузившись в Божии заповеди, размышлял о законе Господнем день и ночь (*ср. Пс 1:2*). Дожд, увидев его, немедленно поднялся навстречу и, обняв гостя, дал ему целование мира. Затем дож, расспросив авву, куда тот направляется и как поживает, уяснил из преисполненных красноречия рассуждений его, что человек он благоразумный, предоставил ему приют и сполна снабдил всем необходимым.

8. А на другой день дож, позвав его, стал советоваться с ним о спасении души, сказав:

– Думаю, не спроста Бог, желающий грешнику не смерти, а спасения, направил тебя в сию страну, а ради моей души, ибо решил я отвергнуть мир и со всей решительностью последовать за Богом. А то как иначе потерпевший кораблекрушение, кого сотрясают губительные волны открытого моря, может избежать гибели и спастись, если только голый не выберется на берег?

– Никак.

– Тогда, пожалуйста, дай совет, как мне голым добраться до берега?

– Ты сам себе дал совет: совершенно совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, созданного образу Божию (*Кол 3:9-10*), – ответил авва. Дожд молвил:

– Поскольку Господь сказал Аврааму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего... в землю, которую Я укажу тебе» (*Быт 12:1*), то хочу я изойти из страны сей, дабы ни жена, ни сыновья, ни народ области сей не воспрепятствовали мне в подвижническом житии; отправиться в далёкую страну твою, чтобы, будучи отделённым от друзей и близких по плоти дальним расстоянием, получить возможность жить в спокойствии духа вне всяких пагубных образов века сего. Итак, я возьму часть своих сокровищ и ты возьмёшь, а когда вернёшься в Рим, пошли за мной – тогда я убегу и, коли Господь управит, доберусь до места назначения.

9. Так, когда решение было твёрдо принято, авва Гварин отправился в Рим, а когда уезжал оттуда, вёз с собой подарки от апостольского мужа, Папы Сергия: прекрасные златотканые манипулы и мощи блаженнейшего Валентина, пресвитера и мученика. Вернувшись снова в Венецию, он оставался там некоторое время тайно. А Пётр, славный дож Венеции и Далмации, созвав князей и всех вельмож государства своего, передал у всех на виду своим двум сыновьям полномочия дожа и под восклицания всего народа, так и не понявшего, почему он это делает, обязал старших и младших принести присягу верности их светлостям дожам Иоанну и Петру. Покончив с этим, он отправил жену с сыновьями в поездку по городам и областям, а сам остался во дворце в Риальто. Затем, собрав множество богатых тканей, золота, серебра, драгоценных камней, светильников, да и большую часть имущества своего вместе с разнообразными церковными украшениями и сосудами, он передал это авве и сам вместе с ним, поднявшись ночью, взошёл на корабль и с приливом пустился в бегство.

10. На рассвете следующего дня дожа ждали к утренней службе, а поскольку он задерживался, то примицерий (*в Венецианской республике – настоятель базилики Сан-Марко, выполнявший также обязанности капеллана дожа – прим. пер.*) поспешил в дворцовые покои и, став у дверей, громко и долго постучал, а затем позвал правителя, надеясь, что, утомлённый продолжительным ночным бдением, он по слабости человеческой просто проспал. Не услышав ответа, он, как мог, открыл дверь и, стремительно войдя, приблизился к почтеннейшему ложу его. Не увидев там дожа, примицерий стал в тревоге носиться туда-сюда, осматривая низы и верхи капеллы; заглянул и в крипту, где дож обычно молился. И вот, когда его не нашли, такой вопль скорби и горестное сетование целиком охватили государство Венецианское, что почти все епископы и настоятели, мужи и жёны, юноши и девицы, клирики и инокини, старики и младенцы, сироты и вдовы, богачи и нищие воссылали крики свои к небесам, оплакивая своё несчастье, сиротство и брошенность. «Горе тебе, о Венеция! – вопияли они. – Доне было ты страной славной, а ныне жалка и без чести оставлена, отвергнута таким государем, брошена таким правителем – что скажут теперь о тебе все окрестные народы?! К тебе стекался весь цвет Италии, все магнаты германские, вся знать хорватская, все вельможи далматов и греков, коими мудрый правитель Пётр повелевал силой закона, коих поддерживал, наставлял и ко всяческому доброму разумению призывал. И ведь сами они внимали словам уст его, ожидали от него правды и беспристрастности, страшась обнаружить пред очами его в себе что-либо недостойное. И стояли они перед ним, прострев руки, словно бы слуги пред господином, готовые вмиг исполнить любое повеление его. Получив от него в дар без числа золота и тканей, возвращались они домой и исполняли в дальних краях предписания его, словно челядь дома его». Сими словами оплакивали исчезновение его. Обронена лютня в чертогах, смолк орган, тимпан прорвался, разбиты цимбалы, во дворцах голоса поющих девиц охрипли, иссякло всё стройное благозвучие музыки – всё обратилось в рыдание, каждый погрузился в скорбь.

11. Как только прошла молва о сем деле по всей стране, сию же минуту ринулись венецианцы к кораблям, словно разъярённые львы к логовам, и, развязав вёсла, возложили их на корму, и с оружием устремились на суднах в погоню, зная наверняка, что он отправился в дальние края, чтобы принять

монашество. И вот, после двух дней и двух ночей преследования догнали и заметили их издалека, приставших к берегу реки. Увидев их, славный дож молвил авве: «Вот, похоже, близится гибель ваша, ибо предводители венецианцев, скорбя об уходе моём, преследуют нас. Если они меня здесь найдут, то убьют тебя и всех спутников наших погубят. Теперь же как поскорей возьми бритву и сбрей мне бороду, а также облачи меня в монашеский скапулярий». И едва авва успел сделать это, как приблизилось крепкое войско могучих мужей, которые спрыгнули резвыми ногами на берег речной и, схватив авву, грозили отсечь ему голову, если не выдаст им дожа, коего они истомились разыскивать. А Пётр молвил им: «Вот, я тут, и все мои со мною! Ища своего господина, вы все приняли меня за него». Тогда все они присмотрелись к лицу его и не опознали в нём дожа, ведь он был брит и натянул на голову капюшон, став неузнаваем, так что не суждено было Богом раскрыться сему. Хотя они видели стать его, разглядели лицо, глаза, руки и прочие члены, но узнать никак не могли.

О читатель, рассмотри, каково смирение сего мужа, который, будучи столь могуч и столь знаменит, и ещё не пройдя искуса в монашеской обители, обрядился в убогое одеяние, сбрил бороду и, натянув капюшон, с выдержкой изображал послушника, дабы его не узнали!

Итак, взирая на него, сказали они: «Похож он на того, кого мы ищем. Ладно, не тронем их, идём отсюда!» Когда они наконец удалились, дож со спутниками возрадовались и продолжили путь свой. Ему сопутствовали трое вельмож из его краёв: Иоанн по прозвищу Мауросени, свояк его; и Иоанн Градениго; и Ромальд (*св. Ромуальд Равеннский, пам. 19 июня*). А когда прибыли они в Верону, он, чтобы не быть узнанным, переоделся и, ухаживая за мулами, словно простой конюх, путешествовал в таком виде по разным местам, морем и сушей, опасаясь, как бы не вызвать подозрения у какого-нибудь купца или знакомого, который может опознать его по природным чертам. Итак, двинувшись в путь с аввой и прочими товарищами, он, пройдя края лангобардов, провансальцев и готов без какой-либо задержки в дороге, вошёл в город Нарбонну. И оттуда, дав три дня отдохнуть изнурённым членам, наконец-то направился в давно желанную киновию Анцибу Пирисилум, обитель имени блаженного Михаила Архангела.

12. Когда ж приближались они к киновии, дож молвил авве: «Кажется, уже недалеко до той обители, куда мы идём, ибо сердце моё веселится в предвкушении её». Авва ответил: «Почему ты спрашиваешь, господин мой?» Молвил дож: «Я затем спрашиваю, что хочу не горделиво подъехать верхом к уделу Предводителя ангелов, но подойти с подобающим смирением, зная, что опутан я узами множества злодеяний. Ибо, когда слуга идёт к господину своему, не подобает ему, надмеваясь своеволием, ожесточив выю, вознеся чело, требовать прощения долга как чего-то должного, но, отбросив непотребный облик своеволия и переоблачившись в одеяния всемирного покаяния, подобает, подползши по праху земному, умильно просить о прощении своих проступков». И молвив так, он, распустив ремни на обуви, немедля стянул с ног парфинские сапоги со шпорами и стал на голый дёрн. И так, босиком, словно четвероногая тварь, он упорно шагал до самой киновии.

По заблаговременному предписанию аввы при его приближении зазвонили в колокола во славу блаженного Валентина, чьи мощи несли дождь и авва, а также в честь их самих. Их встречала братия с крестами и светильниками, и под хоровое пение, кадя фимиамом, шли они стройным ходом с мощами мученика почти целую милю, пока с духовными песнопениями не достигли храма блаженного Михаила.

13. Итак, досточтимый дождь, войдя, как положено, в состав послушников, тщательно следовал предписаниям славного устава монашеского и всем сердцем внимал божественным установлениям. Выйдя же из послушников, монашествовал и, шествуя с покрытой капюшоном главой, всем являл пример праведности. Он стал как живой мертвец среди живых, стал мёртвым по образу Жизнодавца, стал носить грубошерстную власяницу, стал делателем низкого труда шерстоткачества, стал постоянствовать в затворе неленостно, стал предаваться молчанию и бдениям, и подлинным киновитом во всём, и превосходным слугою, совершенным в исполнении Божиих заповедей. Более того, он так облёкся в доспехи праведности, что попросил у аввы послушание, которое бы при исполнении обязанностей деятельной жизни, позволило ревностно устремляться к созерцательному умозрению, и ему было разрешено, подготовив необходимые орудия, мыть отхожие места и собственноручно разносить по нужникам подтирки. Получив по своей просьбе желанную должность, он со всяческим старанием исполнял эту работу, а собственное пропитание раздавал голодным, и больным нищим, и странникам. Со всеми он держался покорно и мягко, весело и доброжелательно, притом в сердце и словах был мирен. Если когда слышал он перебранку или спор между братьями, то, как премудрый лекарь, врачевал умы и сердца противоядиями Божия слова и смягчал души гневливцев, налагая пластырь кротости.

14. И вот, упражняясь в таковых подвигах, он через два года был облечён обязанностями ризничего и, восходя к высшим степеням послушания, был поставлен смотрителем дома Божия. Тогда он стал присматривать за храмом, усердно следя за уборкой, зажигая лампы, прислуживая всем священникам, диаконам, субдиаконам и прочим служителям церковным. И вымаливал он бесконечно прощение днём и ночью, перед ночными часами успевая усердно исполнить всё последование Псалтыри. Возводя очи к небесам, он сокрушённо бил себя в грудь и не щадя сил просил Господа о спасении для себя и всех верных. Орошались ланиты слезами благодатными, уста возносили прошения сердечные, вздохи трепетные возвещали об образе ангельском. Ибо, удостоившись частых ангельских видений, он, пребывая душою радостным и отважным, среди прочих духов сам будучи духовен, Господу воспевал духовное хваление. Когда же он, сделавшись смотрителем церкви, ночевал в ней, враг человеческого рода и противник всего доброго многими кознями ухищрялся, пытаясь отвлечь его помыслы от благого подвига. Ибо многократно глубокой ночью, когда он почивал сном, сей завистник всякой благодетельности подступал к нему и то жуткими потрясениями наводил на него ужас, то нежными прикосновениями ласково уговаривал его уснуть, говоря: «Спи и почивай покойно, ведь я тебя разбужу точно в час, когда нужно будет звонить в колокол к утренней службе». На это Пётр, разумея уловки врага, отгонял его крестным знаменем и поражал многократными ударами. Тогда бес, всячески пытаясь досадить слуге Божию то

бятием, то устрашениями многими, гасил лампы в храме, чтобы никоим образом ничего нельзя было увидеть, кроме жуткого мрака, которому противостояла свершенная духовная выдержка. Тогда слуга Божий Пётр брал погашенную бесом свечу, держа в руке, запечатлевал крестным знаменем и безо всякого зримого средства немедленно зажигал её духовным огнём, после чего бестрепетно занимался Божиим делом, благодаря Бога за сии испытания, и неустанно просил в молитве помочь ему стать крепким подвижником. Ибо почти постоянно случалось с ним так, что, когда он, обременённый своими обязанностями, тревожился, как бы успеть зажечь лампы, а затем поспешал сделать это, вдруг оказывалось, что они по Божию устройству уже зажжены. И он, издав смиренное восклицание, воспевал Господу гимн трёх отроков (*второкан. Дан 3:51-90*).

15. Итак, диавол, ненавидя его благое расположение, приняв облик Ангела света (*2Кор 11:14*), с изобретательной хитростью стал внушать ему как бы имеющие подобие святости помыслы, якобы ему следует навестить родных, родину и народ, с тем ещё предлогом, что от родных и друзей можно получить много даров для святого Михаила и привезти их в свою киновию. Размышляя об этом, человек Божий по высшему наитию поделился своими соображениями с кем-то из братии. Авва, услышав сие от них, призвав дожа, говорит ему так: «В точности ль правда, что ты хочешь вернуться на родину? Если правда, то, боюсь, это по дьявольскому наущению. Впрочем, дабы проверить, угодно сие Богу или нет, помолись Ему и мы с тобою одновременно будем молиться; и если Он явит Своё одобрение, то пускай укрепит тебя в намерении ехать, а если негодно это в очах Его, то да ниспошлёт тебе сердечное покаяние». И сказав сие, авва крепко загрустил, опасаясь по какой-либо причине лишиться того, кого он взрастил с великими трудами: вдруг его похитит преждевременная смерть, или задержит любовь родных, или народ не даст ему вернуться? А проведя целый день в таковой печали, взмолился он со всею общиной ко Господу, дабы не отнял Он у них такого мужа, ведь как он пришёл и стал подвизаться здесь, весь народ страны сей радовался, видя смиренное и скромное житие его, украшенное цветом многообразных добродетелей; и признали его челядинцы как бы отцом, окрестные жители – как бы одним из своих, нищие – как бы единокровным собратом. И считали его как бы превосходным атлетом, бегущим по поприщу сего бурного житейского моря, что шаг за шагом стремительно близится к обретению вечной награды. И вот Утешитель и Творец всего, дуновением Своим усторяя из него избранный сосуд и как бы преисполненный кладезь премудрости, согрел научением сердце его и просветил лучами Солнца правды (*justitiae phaebi*), дав ему предощущение Вышнего. Он избавил его от сих суетных помышлений клеветника и побудил его назавтра просить прощения, представ пред всеми в школе любомудрия, сиречь на капитуле, чьё название происходит от Капитолия – того места, где в судебном порядке либо по общему согласию принимают решения по «капиталиям» – вопросам первой важности. И вот, простершись на полу, он назвал себя преступником, возопил, что он безумец, достойный огня, ибо никак не противостоял внушениям дьявольским, вооружившись оружием духовным, а согласился последовать таковым вздорным подстрекательствам. Снявши славную шерстяную рясу, он обратился к авве на родном своём языке: «О авва, покруши меня!», что значит «высеки меня»; «Веровай мне!», то есть «верь мне» – таков уж был говор его – «Я заслужил побои, потому что не устоял перед

бесовскими соблазнами». И это повторял он многократно, настаивал со слезами, требуя наказания. Наконец авва и вся братия, видя таковое его смиренное покаяние, расплакались все прегорько, за чем последовала радость и ликование, ибо чувствовали они любовь его. И навверняка случилось это по попущению Божию, дабы братия, укрепившись примером сего терпения, прибегали к Божией защите от нескончаемых нападков бесовских.

16. Тогда, подвизаясь в келье и всяческими духовными деяниями усмиряя плоть свою со страстями и похотями (Гал 5:24), он двухдневными и трёхдневными постами умерщвлял члены свои, сущие на земле. Ибо, получая полагающиеся ему закуски и хлеб, он отдавал их нищим, а сам ел по чуть-чуть, можно сказать, одни крошки от ячменного хлеба. А однажды ночью, умильно плача, он в умном созерцании предавался Господу, ненавистник всего доброго, побуждаемый завистью, предстал ему в ужасающем виде и сказал: «Прекрати уже творить мне бесчисленные оскорбления, поживей убирайся их храма сего! Потому что если не послушаешься, не уйдёшь отсюда цел: либо убью тебя, либо кости тебе переломая!» Как услышал это человек Божий, избранный дож Венеции Пётр, предводитель (*dux, причём дож по-латински тоже dux – прим. пер.*) святого братства, грядущий во чертоги вечные, молвил: «Ты чего сюда заявился, жуткая ты и злобная морда, противник всем верным, сущий змий поганый?! Или не понял ты ещё, что разорвал я путы твои? Удали лукавства свои от слуха того, кто служит Господу Вседержителю! Если ж ты немедленно не оставишь меня в покое, то к стыду и замешательству твоему поразит тебя меч Архангела Михаила, заступника моего!» Тут же диавол, схватив огромную свечу и попытавшись ударить ею его с неистовой силой, ударил по краю алтаря, отчего свеча сломалась пополам, а древний враг, затушив все огни в лампадах, наполнил великим шумом и бушеванием всю киновию. А бестрепетно стоявший человек Божий, как увидел, что лампы погасли, простёрся пред алтарём в молении и не щадя сил слёзно упрашивал Господа, дабы Он повелел самим ангелам возжечь погасшие светочи. И вот по велению Божию в ответ на молитву его все лампы в церкви немедля зажглись и все пределы храма дивно зазолотились и светозарно возблистали. Тогда человек Божий, воздав благодарение Богу, возрадовался. А едва заметил большую свечу, сломанную надвое, поднял обе части и, соединив их, благословил, и две половины срослись в единое целое.

17. После сего он попросил себе построить келейку недалеко от монастыря, где днём и ночью бодрствуя на молитве, он перенёс многие искушения от бесов. В своей келейке, столь тесной, что в ней можно было только стоять, а сесть и лечь – с трудом, он пребывал всегда в молитве и ручном труде, не принимая никакой пищи, кроме малого количества овощей и ячменного хлеба, придерживаясь жизни апостольской и вкушая яства созерцания. И хотя много чудес сотворил через него Бог, они остались нам неведомы, поскольку их не записали и не передали рассказов тех, кто их видел. Ведь все, кто видел его воочию, уже покинули этот мир, а по их невежеству либо нерадению его чудесные знамения совершенно не были представлены в рукописи вразумительным слогом. Ныне же неленостно берёмся на перо и переходим к описанию его кончины.

18. Итак, зная, что приближается день кончины его, он продолжительно молился пред алтарём, прося Господа удостоить его знака, удостоверяющего сию кончину. По завершении же молитвы было ему видение, будто выносит его некая сеть. И воспрянув, он молвил Господу: «Знаю, Господи, что Ты вскоре уловишь меня этой сетью и не станешь дольше откладывать окончание трудов сей жизни. И поскольку до сих пор я ревностно старался исполнять Твои повеления, молю милость Твою, дай мне до конца преданно, верно и безропотно служить Божеству Твоему!» Выйдя ж затем из храма, он расположился на своём почтеннейшем ложе и почувствовал умеренную горячку. Тогда, позвав к себе братию, он открыто объявил, что через три дня покинет темницу (*мира – прим. пер.*). И вот, во время приближения назначенного срока он денно и ночью пребывал в бдениях и молитвах, неумоимо усердствуя и трудясь во всяком просвещении божественным созерцанием.

Заведомо зная, что наступает час ухода, он позвал братию и настоятеля монастыря, пожелал им мира и простился, а затем, приняв Тело и Кровь Господни, приняв, лёжа в пепле и вретище, напутственное благословение и отпущение, попросился недолго посидеть в кресле. Затем спросил, не пришёл ли повелитель страны их, который раньше хотел повидаться с ним прежде его отшествия из темницы брэнного естества, чтобы в святой достопамятной беседе получить полезный совет и попрощаться.

И вот, когда братья ответили, что он ждёт, Пётр воссел в кресло и до девятого часа (*трёх пополудни – прим. пер.*) едва двигая языком, дал множество наставлений о богопочитании. А в девятом часу в окружении всей братии, в 4-й день до январских ид, вверив себя Богу и братии, после 19-ти лет плодотворных трудов он возвёл очи свои к небесным вышинам и по образу Христову в девять часов достойно предал дух Христу. Едва он преставился, всё собрание братии прерывистым пением и дрожащими от слёз голосами исполнили песнопения сего часа. Оно и не удивительно, что его сотоварищи и соратники по подвигу пели гимны чинопоследования тому, кто, вознесённый на руках ангелов, с ликованием принят среди духов лучезарной славы и причтён к лику святых.

19. На другой день пришёл повелитель провинции той с первейшими из своих вассалов. Поглядев на святые останки, покоившиеся на погребальных носилках, они на прощальном пиру плакали с рыданиями многими об уходе сего славнейшего дожа. Затем досточтимое тело его доставили в церковь и с благоговейными душами похоронили в клуатре близ церковных врат, хваля и благословляя Господа за то, что Он удостоил последователей Своих одарить таковым заступником, который, придя из дальних краёв, провёл в их общине последние годы.

20. Спустя ж немного времени после его смерти целый ряд братьев увидели, что над его могилой чудесным образом зажглись огни, дивное сияние коих озарило клуатр из края в край. И проходившие мимо братья, объятые страхом, стояли друг от друга вдалеке и не смели даже начать, как обычно, молитву пред часом восстания Господа.

И вот, некий брат, смотритель церкви, один из преемников святого, пребывал наедине в молении в храме. Перед тем, как запел петух, он, как бы впад в исступление во время молитвы, узрел блаженного Михаила Архангела со

множеством ангелов, а также блаженного апостола Петра с сонмом мучеников, исповедников, дев, воспевающих Богу духовные хваления. Там же, среди бескрайнего и бесчисленного монашеского воинства блаженнейшего Бенедикта, был и преславный дож Пётр изящного облика и высокого стана, и воспевал славословия несравненной благозвучности. Брат тот, увидев сие, весьма возрадовался, и поведал некоторым братьям, что узнал из богоданного откровения. А следующей ночью, когда таким же образом в тот же час тот же брат пребывал в молитве, подобно тому, как предыдущей ночью, полчище святых вошло в церковь и слаженно воспело песни величию Божию. И когда завершили они богослужение, Высший понтифик блаженный апостол Пётр, дав благословение, молвил стоявшим окрест святым: «Встаньте, выслушайте приговор!» И тут же обратился к блаженному Бенедикту: «Накажи монаха, обязанного исполнять твой Устав – ему были поверены тайны наши, а он своевольно дерзнул сообщить их прочим». Тогда досточтимый авва Бенедикт по приказу Князя апостолов подверг монаха суровейшему бичеванию за то, что нагло и своевольно дерзнул открыть увиденное. Когда же во время бичевания монах громогласно закричал под крепкими ударами, дож Пётр тут же сжалился над бичуемым братом и стал многими умолениями просить апостола Петра и святого Бенедикта сжалиться над ним, самого себя предлагая подвергнуть ударам. Ему уступили, и брат был избавлен от наказания за грех. Утром он, ничуть не чувствуя боли, показал авве и братии подобия следов от перенесённого бичевания и рассказал, как дом Пётр выпросил для него освобождение от горшей муки. Община, услышав сие, великую воздала благодарность Богу, Который во святых Своих творит многие чудеса.

21. Затем, спустя какое-то время, почил авва Гварин, и достославный муж Олиба (971-1046 гг., *граф Берги, духовный отец Каталонии – прим. пер.*), правитель той страны, отрекшись от мира и приняв святой чин, был избран всеми монахами и жителями той области аввой сей киновии, после чего был возведён на должность епископа и избран Богом на итальянскую кафедру достойным предстоятелем. Он, словно разумная пчела, управлял справедливо и твёрдо подданной ему и Богу паствой, с проницательной рассудительностью вёл дела обоих чинов, сиречь клириков и монахов и стал превосходным пастырем для Святой Церкви Божией. Был он также несравненным отцом для множества обителей, но более всех он любил киновию Святой Марии (*Рипольской – прим. пер.*) и святого Михаила, где и покойтсЯ. Усердный в молитвах и занятиях философией, даже в старости, точно лев, спящий с открытыми глазами, пробуждал неотёсанных иноков к упражнению в подлинном подвиге, назидал, словно чад возлюбленных, братьев, богатых и могущественных, простых и просвещённых, а также вступающих на стезю церковного служения уроками мудрости.

22. Итак, когда был он предстоятелем и монахом, и вселюбезным аввой монахов, и по обычаю своему навещал вверенных ему овец, к жизни каждой присматриваясь, искореня пороки, насаждая добродетели, желающих ведя, а нежелающих таща, поощряя вооружённых, оснащая безоружных, сокрушая делом бесчувственных и каждому из уст медоточивых давая совет божественной мудрости; и когда прибыл он в присно любимую свою обитель Анцибу Пирасилум, открыто было ему и другим братьям, что тело досточтимого Петра, дожа Венеции

и Далмации, следует перенести и положить в глубине церкви. Тогда дом Олиба-предстоятель созвал весь народ края того и в торжественном шествии со множеством крестов и хоругвей перенёс тело его в ту гробницу, где он ныне покоится. В этом месте Бог являет живущей там братии многие чудеса по заступничеству блаженного Михаила Архангела и других святых, коих мощи там почивают, и по заступничеству Петра, венецианского дожа, той обители инок, кто подвигом добрым подвизавшись, и бег закончив, и веру сохранив, заслужил венец праведности, который обещал Бог всем возлюбившим Его (*ср. 2Тим 4:6-8 пер. еп. Кассиана*). Приведя к сему увенчанию верного Своего Петра, Господь наш Иисус Христос извёл его из смерти, дав ему жизнь, в коей смерть более не страшна, в коей неведом никакой недостаток, не встречается никакое тление; не именуются там ни голод, ни пресыщение; ни холод, ни зной не являют противоположности; но радость там безобманная, веселие бесконечное, мир вечный, и неуничтожим венец жизни, который дарует всемогущий Бог всем верующим и подражающим послушанию сего всеславного мужа, что, возвысившись над мирскими соблазнами, стал обитателем вечных чертогов. А честь и слава да будет Тому, кто грешников оправдывает, а оправдав, прославляет – истинно троичственному во единстве и единому в Троице Богу, который живёт и славится в бессмертные веки веков. Аминь.

Перевод: Константин Чарухин

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ